Экология сельского мира как предмет социологического исследования[1]

В.Г. Виноградский, О.Я. Виноградская, Е.С. Никулина

Валерий Георгиевич Виноградский, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571 Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: vgrape47@yandex.ru

Ольга Яковлевна Виноградская, старший научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571 Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: vgrape58@yandex.ru

Екатерина Сергеевна Никулина, научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571 Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: nikulina@ranepa.ru

Статья посвящена анализу сельской экологической проблематики, взятой в качестве исследовательского социологического поля. В ней обосновывается необходимость инструмента «Опрос экспертного сообщества». Применение в ходе полевого экспедиционного исследования такого опросного инструмента дает возможность выявить, информационно зафиксировать и аналитически проследить ход развития разнообразных экологических практик, свойственных современным сельским жителям, оценить содержание соответствующих инноваций и инициатив как в семейных домохозяйствах, так и на уровне поселения. В статье показана необходимость, кроме заранее утвержденного и прошедшего необходимый в методических целях пилотаж строго экспертного опросника, введения отдельных дополнительных информационно-аналитических кейсов, отвечающих специфике конкретного исследования. В данном случае это блок вопросов, касающихся степени рациональности использования окружающей экологической среды, проблем взаимосвязанности доступных населению природных ресурсов с повседневной деятельностью человека. Таким образом, в статье представлена «проверенная на местности» и в целом результативная методолого-методическая оснащенность экспедиционно-полевых исследовательских процедур, предшествующих углубленному аналитическому рассмотрению экологической проблематики сельских миров.

Ключевые слова: экология, сельский мир, социологическое исследование, качественная методология, неформальные социально-экологические практики, сельские домохозяйства, сельские жители, окружающая природная среда

DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-1-125-142

---

1. Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-011-00029.

Сельская экологическая проблематика, взятая в качестве исследовательского социологического поля, на первый взгляд элементарна. Казалось бы, все просто — лес, речка, сенокосы, поля. Но простота эта обманчива, она прячет в себе целый ряд познавательных барьеров, вынуждающих специально настраивать оптику качественной социологии. Опираясь на личный опыт исследований сельских миров — именно *миров* (эта понятийная связка обозначает не столько собственно деревенскую жизненную среду, но и захватывает настроение[2], саму тональность деятельностных актов сельчан (Виноградский, 2018; Смыслы, 2016), — попробуем описать и истолковать различные мизансцены, которые систематически наблюдает полевой социолог, всматривающийся в экологию сельского мира.

Начнем с того, что методы и процедуры записи, сбора, систематизации и накапливания в соответствующих преданалитических каталогах получаемой в ходе экспедиционных полевых исследований информации всецело и безусловно определяются спецификой носителей экологических практик. В данном случае имеем дело с современными деревенскими домохозяйствами, которые постепенно, но неуклонно эволюционируют из традиционных крестьянских дворов. Этот длительный исторический процесс пока что не закончился, и он ведет в конечном счете к перерождению домохозяйств. Его начало кроется в том историческом времени, когда на селе доминировали коллективные хозяйства (колхозы и совхозы). Иначе говоря, в социологических контактах мы связываемся с представителями сельского населения, которое к настоящему времени не вполне утратило специфические привычки и навыки собственно «дворовых» крестьянских хозяйственных практик. Эти последние всецело определяются особыми формами прикрепления к земле. Очевидно, что эти формы пока еще далеки от индустриальных практик ведения агробизнеса, господствующих, например, в современных агрохолдингах и высокорентабельных фермерских хозяйствах. В практиках взаимодействия с природой, типичных для домохозяйств, господствуют ручной труд, не слишком масштабное и весьма аккуратное (в том числе и по причине дороговизны) применение разнообразных химических препаратов, практически ежедневный контроль состояния приусадебной земли, посевов, персонифицированные формы ухода за домашней скотиной, птицей, приверженность к испытанному годами семенному материалу.

2. В понятийном контексте статьи авторы интерпретируют *настроение* как *настроение мира*. В.В. Бибихин в курсе лекций, прочитанном на философском факультете МГУ весной 1989 года, определяет такое настроение следующим образом: «Это не настроение присутствия, словно есть человеческое присутствие и у него есть настроение. Присутствие, пока оно остается собой, и есть настроение. Настроением человек присутствует» (Бибихин, 2007: 36-37).

В подобного рода обстановке экологические соображения размыты в типовых хозяйственных технологиях. Это, кроме всего прочего, означает, что осознанно организуемые экологические практики, а также специально нацеленные, рациональные инновации крестьянских домохозяйств можно вычленить из списка повседневных занятий крестьянина с некоторым усилием.

Дело здесь в том, что, в отличие от стандартных производственно-экономических практик сельских домохозяйств (разведения и содержания сельскохозяйственных животных, различных пород и видов птицы, системы занятий на приусадебном участке, состоящих из подготовки посадочного материала, высаживания в грунт, ухода за посевами, прополки, полива, сбора урожая, переработки продукции и заготовки ее для питания в зимний период, а также работ по поддержанию всего хозяйственного комплекса, строений, сельхозинвентаря, средств механизации, транспортных средств в надлежащем состоянии и т.п.), собственно экологические практики выступают большей частью в качестве малозаметных, фоновых, вспомогательных, лишь сопровождающих систему основных, базовых занятий семейных крестьянских дворов. Для того чтобы увидеть и оценить степень их размаха, необходимо предпринять ряд исследовательских действий, преимущественно методического характера.

Исходя из этого, методики полевого исследования собственно экологических практик должны по необходимости предусматривать общее ознакомление с производственно-экономическим потенциалом каждого конкретного домохозяйства как некой базовой, отправной структуры. Иначе говоря, нужно располагать конкретной информацией о степени мощности каждого, попавшего в выборку, домохозяйства. Однако в последнее время подобного рода подход, довольно исправно работавший пять-десять лет тому назад, начал становиться менее продуктивным, а порой просто неприменим. Дело в том, что современные хозяева крестьянских дворов, более или менее активно занимающиеся ведением подсобного домашнего хозяйства, начали систематически закрывать информацию, которая позволяла судить о масштабах их деятельности. Они опасаются, что вслед за внешне безобидными опросными социологическими процедурами могут появиться неотвратимые экономические, налоговые санкции. Самые искренние уверения социологов в сугубо научных целях опроса начинают все чаще вызывать недоверие, преодолеть которое все труднее, а порой просто невозможно. Разумеется, это связано с той социально-политической атмосферой, которая постепенно возникла в стране к концу десятых годов.

В ходе пилотажных процедур, где оценивалась степень пригодности разработанного опросного инструмента, для преодоления указанных трудностей была выработана следующая стратегия полевого исследования.

Во время первого общения с респондентами следует убедить их, что их домохозяйство отобрано случайно. Действительно, выбор, скажем, каждого десятого по номеру дома хозяйства по каждой нечетной стороне сельской улицы и каждого пятого по четной стороне другой улицы — что подтверждается негласным соседским контролем — дает надежду, что жители поверят в исследовательские, а не фискальные намерения интервьюеров.

Далее, интервьюерам следует демонстрировать, что они всецело доверяют респондентам как осведомленным знатокам изучаемой проблематики. Так, вопросник имеет заглавие «Опрос экспертного сообщества». И этот, именно экспертный, статус респондента раз за разом подтверждается в ходе записи интервью различными знаками внимания; одобрительными и побуждающими репликами-оценками интервьюера. Разумеется, чрезмерно педалировать сигналы собственной доверчивости интервьюер не должен, это может вызвать подозрение в том, что социолог привычно отрабатывает заданный урок. Уважительное внимание и сочувственное размышление — вот самый краткий перечень эмоций в ходе работы интервьюера.

Указанные на первый взгляд формальные методические моменты достаточно продуктивны. Они предусматривают создание (и, как показывает практика пилотажа, на деле создают) благоприятной обстановки и доверительного диалога, в ходе которого естественно снимается целый ряд коммуникационных барьеров, прежде всего — психологических.

Обратимся к более развернутой характеристике инструмента «Опрос экспертного сообщества». Речь пойдет о структуре и содержательных блоках, перечне вопросов. Здесь же будет представлен краткий методический комментарий.

Заметим, что параллельно с программированным опросом отобранных в данном поселении респондентов в ходе полевого исследования постоянно применялся *метод наблюдения*, необходимый и уместный в целом ряде исследований тех социально-экономических образований, которые по причине их детерминированности особенностями окружающей природной среды, буквально вписаны, впечатаны в пейзаж, безмолвно повествуя как об истории данного хозяйственно-экологического «уголка», так и предсказывая его наиболее вероятную судьбу. Именно социологическое *наблюдение*, применяемое в качестве метода целенаправленного, планомерного, определенным образом фиксируемого восприятия исследуемого объекта, выступает некой базовой процедурой, аналитическое обобщение результатов которой образует тот исходный фон, на котором более уверенно и результативно могут быть обозначены впечатления и выводы, получаемые из анализа результатов интервьюирования сельских респондентов. Метод наблюдения необходимо предшествует процедурам социологического опроса, но не завершается, когда уже начаты систематические дискурсивные контакты с ин-

формантами, а сопровождает их, постоянно предметно уточняясь и содержательно обогащаясь.

Итак, вслед за необходимой в данном исследовании минимальной паспортичкой основного опросного инструмента (место записи интервью — область, район, сельское поселение, а также возраст и социальный статус респондента — кто он? — занятый в формальной структуре, самозанятый, пенсионер и т.п.) следует формулируемая интервьюером целевая установка интервью, своего рода имя интервью.

Такая «формула цели» должна быть непременно оглашена и желательно прокомментирована в зависимости от того, какова степень ее понимания и осознания респондентом. О последнем можно безошибочно судить по вазомоторным реакциям собеседника — выражение лица, как правило, не дает обмануться. Данная процедура необходима для снятия возможных умолчаний и ухода от ответов, а также в целях попутного ремонта опросника. А указание на то, что эта процедура — именно «экспертный опрос», иначе говоря — обращение к знатокам местных жизненных условий, способствует росту значимости респондента в его собственных глазах и общему повышению качества получаемого материала.

В рамках настоящего исследования в качестве цели было заявлено следующее: «Какова степень распространенности тех или иных разновидностей неформальных социально-экологических практик, регулярно или эпизодически культивируемых данным сельским домохозяйством?»

В качестве фоновых знаний был предусмотрен ответ на следующий целевой вопрос: «Насколько изменилось экологическое состояние сельских территорий за последние 15–20 лет?»

В респонденты отбирались следующие категории сельских жителей:

- владельцы сельских домохозяйств;
- владельцы семейных и товарных подсобных хозяйств;
- главы фермерских хозяйств;
- главы сельских администраций;
- местные индивидуальные предприниматели.

Несмотря на то что в данном перечне указаны субъекты, располагающие различным объемом хозяйственно-экономических и административных полномочий, а также разной степенью информированности, в ходе анализа социологической информации возможно получение достаточно объемной картины интересующих процессов.

Основной текст вопросника состоял из трех основных блоков.

Блок № 1. Изменение экологического состояния сельских территорий

Данный блок предусматривал выяснение общей ситуации в исследуемом регионе. Он состоял из трех групп вопросов. Приведем их список, снабдив его необходимым методическим комментарием.

Вопрос № 1: *Насколько изменилось экологическое состояние сельских территорий в Вашем районе за последние 15–20 лет? Вашего поселения, Вашего домохозяйства?*

Комментарий. Ответ только на первый взгляд может показаться предельно элементарным. Однако пилотаж показал, что в реальности этот вопрос достаточно часто оборачивался неким не совсем упорядоченным диалогом с респондентами, типичным содержанием которого стало выяснение того, что именно понимать под «экологическим состоянием территорий». Респонденты старшего возраста, успевшие поработать в колхозе, понимали этот вопрос как воспроизведение исторической картины изменений земельных угодий (пашни, сенокосов, защитных лесополос). А более молодые владельцы сельских домохозяйств больше внимания уделяли состоянию тех природных комплексов, которые служат целям активного отдыха (охота, рыбалка, рекреационные возможности). Такие разные подходы сами по себе информативны, поэтому не следует жалеть времени на обсуждение этих, достаточно существенных, сюжетов.

Вопрос № 2: *Если изменилось, то в чем проявляются изменения (участились случаи природных катаклизмов, изменилось состояние почв, водного режима, сократилось биоразнообразие животных и растений, усилилось загрязнение территории района от деятельности сельскохозяйственных предприятий и жителей)?*

Комментарий. Данный вопрос был предназначен для уточнения и диверсификации того информационного материала, который был получен (в достаточно обобщенном виде) в ответе на первый вопрос. Логика накапливания информации в данном случае, казалось бы, соблюдена — респонденту предложен список наиболее типичных, лучше сказать типовых, изменений экологической обстановки, характерных именно для сельской местности. Однако в ходе пилотажа вопросника оказалось, что разъясняющую подсказку следует предлагать респонденту не до того, как он начнет отвечать, а как раз после того, как сельский житель закончит высказываться по данному вопросу. Это диктуется тем, по происхождению своему, психологическим обстоятельством, что, говоря об изменениях экологической ситуации, респондент, опираясь на собственный опыт ее осмысления, выделяет самый актуальный и в этом смысле самый тревожащий лично его аспект многообразной экологической проблематики. Таким образом, селекция экологических факторов происходит полуавтоматически — «у кого что болит, тот про то и говорит». И несмотря на то что в ответе на первый вопрос данного блока внимание было привлечено, как уже говорилось, к производственно-технологическим, а также к рекреационно-развлекательным возможностям данного конкретного аграрного региона, информация по второму вопросу профилировалась иначе. Забегая вперед, скажем, что на первое место выдвинулась проблема утили-

зации бытовых отходов и иного производственного мусора, сопутствующего повседневным хозяйственным практикам крестьянских дворов. Таким образом, на основе анализа результатов пилотажа основной вопросник был перестроен. Вопрос задавался сначала без указанной в гайде расшифровки изменений, а уже после получения ответа на этот второй вопрос (каким бы подробным ответ респондента ни оказывался).

Вопрос № 3: *Могут ли эти изменения повлиять на будущее вашего района, поселения, домохозяйства? И как, по-Вашему, будут разворачиваться сценарии этих изменений? В лучшую, в худшую сторону? Можно ли считать деревню, село относительным «укрытием» от экологических тревог современной цивилизации?*

Комментарий. Данный вопрос, в композиционно-смысловом отношении состоящий из трех взаимосвязанных подвопросов, может показаться достаточно элементарным и малоинформативным (ответы на него в определенной мере предопределены), если бы он не сопровождался заключительным, четвертым пунктом, так или иначе побуждающим респондента размышлять над ситуацией, что называется, панорамно, в контексте целого, в масштабах сельского мира. Преданалитически (не входя в подробности) обозревая информационный потенциал, полученный в ответах на данный вопрос, можно утверждать, что социально-экологические ожидания сельских жителей любых возрастных групп в целом достаточно пессимистичны. Отвечая на вопрос о «сценариях изменений», респонденты чуть ли не инстинктивно начинили выговариваться в однотонно звучащих ностальгических нарративах, они подробно рассказывали о былом богатстве и незначительной (по сравнению с настоящим временем) хозяйственной и промысловой затронутости местных природных комплексов. Происходящие изменения расценивались исключительно негативно. Но когда перед ними ставился вопрос о деревенском укрытии от давления общей экологической проблематики, соответствующие оценки сельской местности резко взлетали. Видимо, в данной ситуации начинает фигурировать опыт, получаемый сельчанами при посещениях городских поселений, а также иногда опыт зарубежных поездок. Состояние атмосферы, загазованность, дорожная загруженность, шум, суетливая городская толкотня — вот типичные индикаторы, по которым село сопоставляется с городом, и всегда не в пользу последнего. Таким образом, данный вопрос позволяет оценить представления сельских жителей о социально-экологической ситуации в более широком горизонте и содержательном объеме.

Блок 2. Оценка влияния социально-экологической ситуации на производственно-экономическую активность сельских домохозяйств

Данный блок, как можно удостовериться по поднимаемым в нем сюжетам, нацелен на выяснение двух взаимосвязанных пози-

ций — во-первых, феноменологического обзора воздействующих на повседневные хозяйственные практики экологических событийных комплексов и, во-вторых, фиксирование сопровождающих эти, как правило, беспокоящие жителей ситуации, оценок, мнений, озабоченностей. Таким образом, в сердцевину данного блока программы интервью заложена качественная методология «двойной рефлексивности», уже достаточно проверены авторами в ходе реализации ряда исследовательских проектов, начиная с крестьяноведческих экспедиций (1990–2000 гг.) Теодора Шанина (Рефлексивное, 2002).

Вопрос № 1: *Насколько остро стоит экологическая проблема для Вашего домохозяйства? Для Ваших соседей по поселению? Если стоит, то в чем Вы видите причину ее появления? Как она влияет на ваше домохозяйство с экономической точки зрения и будет ли оказывать влияние в будущем?*

Комментарий. Данный вопрос предназначен не только для воспроизведения наличного состояния экологической обстановки на микроуровне данного частного хозяйства, а также попыток ее осознания, но и еще — на подключение исторической памяти непосредственных акторов крестьянского двора. Пилотаж этого раздела основного вопросника продемонстрировал систематически повторяющуюся нарративную мизансцену — рассказывая о насущной проблематике, респонденты непременно вспоминали о прошлых хозяйственных ситуациях, когда целый ряд нынешних экологических девиаций попросту не имел места. Одним из красноречивых примеров может быть проблема обновления семенного фонда домохозяйства. Дело в том, что семена корнеплодов необходимо систематически обновлять, чтобы, как выражаются в деревне, овощи не «перерождались», то есть не теряли желанных пищевых качеств. Такие действия еще в недалеком прошлом осуществлялись при помощи обмена семенами с соседями, располагающими землей с особенными биохимическими кондициями. К настоящему времени эти несовпадающие почвенные характеристики во многом утратились вследствие применения однотипных удобрений и средств защиты растений. Корнеплоды начали «перерождаться». В данной ситуации владельцы домохозяйств начали покупать семена специально. Но они систематически оказывались одноразовыми, и на следующий сезон их приходилось вновь приобретать у поставщиков. Далее, в ответах на данный вопрос, как показал даже непродолжительный пилотаж, на свет выходила информация, касающаяся ситуации с соседскими домохозяйствами, то есть сведения, которые могут быть подвергнуты сравнительному анализу. И, что весьма важно, владельцы приусадебных участков довольно четко смогли просчитать некие экологические убытки, к которым не в последнюю очередь привела изменившаяся в поселении экологическая обстановка. И еще одно наблюдение — в ответах на данный вопрос постоянно появлялась

информация о токсичных дождях, заметно участившихся в последние годы.

Вопрос № 2: *Есть ли у Вас (Ваших соседей, родственников, знакомых) запрос/заинтересованность на изменение экологической повестки на территории Вашего поселения, района? Есть ли такой запрос со стороны местной администрации, фермеров, руководителей сельхозпредприятий?*

Комментарий. Ответы на этот важный вопрос оказались во время пилотажного испытания вопросника несколько обескураживающими. Предполагалось, что возможно будет замерить и наполнить необходимой эмпирией степень зрелости экологического сознания крестьян. Тем более что понимание экологической проблематики, судя по ответам на предшествующие вопросы, налицо. Но, несмотря на указанное обстоятельство, в информации проявилась такая степень социальной пассивности домохозяев, что это просто не укладывалось в сознании интервьюеров. Чаще всего проблема перекладывалась в сферу забот местной администрации. Но тут же администрация обвинялась в систематической бездеятельности — особенно касающейся организации удаления твердых бытовых отходов и иного хозяйственного мусора. То есть интерес к нивелированию экологических неурядиц (как крупномасштабных, так и текущих — мусор, качество водопроводной воды и пр.) значительный, но действенные инициативы по части устранения этих проблем просматриваются в ходе интервьюирования с большим трудом. В диалоге интервьюера и респондента по данному вопросу постоянно фигурирует достаточно деликатная мизансцена. Она выражается в запрете критики респондента, хотя в ходе опроса постоянно хотелось выразить недоумение по поводу пассивной экологической позиции и даже подтолкнуть к активной деятельности. Но подобная социологическая тактика не вполне верна.

Вопрос № 3: *Знаете ли Вы что-нибудь о новых технологиях обработки земли, утилизации отходов, энергосбережения? В чем, по Вашему мнению, заключаются «плюсы» и «минусы» использования таких технологий? Возможно ли использование подобных технологий в Вашем хозяйстве, поселении, районе? И что этому может помешать?*

Комментарий. Данный вопрос, как показали первые пилотажные пробы, оказался достаточно информативным — с какой бы возрастной или профессиональной группой респондентов полевым исследователям ни приходилось иметь социологические контакты. Сельчане, несомненно, хорошо понимали, о чем их спрашивают, и не отмахивались от подобного рода вопросов, как это можно было видеть буквально десяток лет назад. Вероятнее всего, знания о новых технологиях, которые могут быть внедрены в повседневные хозяйственные заботы сельских жителей, современные сельчане получают из сетевых источников информации — разного рода рекламных материалов, документальных фильмов, передач, посвященных агротехнологиче-

ским, сельским инновациям. Таким образом, современное информационное пространство во всех его основных измерениях «накрыло» и современную деревню. Комментируя вопрос № 3, целесообразно начать с того подпункта, который в данной вопросной батарее расположен в самом конце («что мешает?..»). И тут обнаруживаются важные обстоятельства, выразительно говорящие о жизненном мире сельчан. Что же мешает? Наряду со стесненностью в финансовых ресурсах (типичная, хроническая причина) внедрению инновационных, экспериментальных технологических начинаний в семейном домохозяйстве мешает (и это поначалу удивляет) такая диковинная для стороннего взгляда причина, как зависть или неодобрение соседей и односельчан. Но и в этой жизненной коллизии наличествуют свои, либо открытые, либо рискованные зоны. Так, повсеместное распространение энергосберегающих осветительных приборов (ламп, светильников, люстр и пр.) превратилось в общепринятую норму, тогда как установка дорогих экономных прожекторных систем (для освещения двора, гаража и сараев, совмещенных с подвалами, где хранятся значительные продовольственные запасы) порождает некую болезненную напряженность со стороны непосредственных соседей. Причем они завидуют не только возможностям по части покупки и установки таких приборов, но и негативно воспринимают резко изменившийся осветительный режим («ваш свет спать мешает»). Возможности использования технологических инноваций в практиках домохозяйств оцениваются в целом положительно, однако и здесь налицо некая селекция, обусловливаемая как возрастом, так и уровнем образования и информированности. Ветряные энергетические установки, «тепловые насосы», артезианские скважины и трубные колодцы — все эти элементы представлены в списке инновационной «машинерии», но при этом респонденты систематически возвращаются к мыслям об актуализации испытанных дедовских технологий. Особенно остро данный вопрос стоит по части утилизации твердых бытовых отходов и прочего хозяйственно мусора, состав которого на селе довольно специфичен. Более подробно, с приведением многочисленных деталей, данный сюжет может быть развернут в ряде дополнительных аналитических материалов, где описываются процедуры проведения опросов, глубинных интервью, фокус-групп, а также воспроизводится массив социологических качественных данных (сборник транскриптов интервью, записей из полевых дневников, фотоматериалов и иной качественной социологической информации).

Вопрос № 4: *Есть ли у Вас (либо Ваших соседей, родственников, знакомых) потребность в производстве и потреблении экологически чистой продукции? Есть ли потребность в производстве такой продукции у фермеров, руководителей сельхозпредприятий?*

Комментарий. Данный вопрос в программе предварительного пилотажа сразу же оказался в списке фаворитов. Информанты

с особым настроением высказывались по данному тематическому блоку. Причина, очевидно, в том, что проблема потребления экологически чистой продукции, проблема здорового питания, никогда в истории не стоящая так остро в условиях сельской жизненной среды (наоборот, село всегда считалось чуть ли не заповедником высококачественной, естественной, наилучшей еды, и это расхожее представление нашло устойчивое воплощение в красочных рекламных имиджах типа «Домик в деревне», «Добрая корова», «Зеленый луг», «Простоквашино» и т.п.), разворачивается в деревне чуть ли не драматичнее, чем в крупном городе. Развитие сетевого ритейла («Магнит», «Пятерочка», «Мария-Ра» и т. д.) привело к тому, что современное село буквально завалено дешевой и низкокачественной продовольственной продукцией, рассчитанной на якобы невзыскательность деревенских вкусов и, что более важно, на тощий бюджет сельчан. К тому же масштабные домашние хозяйства, выкармливающие стада животных и гурты домашних птиц, типичные для поры колхозной организации производства, уже десяток лет как сошли на нет. Причина элементарна: закрылась практически дармовая колхозная кормушка — ни выписать зерна, ни украсть комбикорма, ни накосить сена нынешний житель села не может. Однако поступление натуроплаты за сданные в аренду фермерам и крупным аграрным производителям земельные паи продолжается и со временем объем этой натуроплаты растет. И в нынешнем сельском социуме существуют хозяева, основной задачей которых стало производство экологически чистой, высококачественной продукции на продажу. Причем классические рыночно-прилавочные (то есть практикуемые с расчетом на еженедельный деревенский базар) формы торговли заметно сокращаются и все чаще заменяются скрытыми сетевыми трансакциями, которые возникают на основе неформального знакомства и четко оговариваются заранее с точки зрения объемов покупаемой продукции и ее цены. Наиболее типичная продукция в таких сетевых структурах — молоко, сливки, сметана, битая птица, овощи и фрукты. Реже, но уже в очевидном нарастании продаются высокорецептурная кулинарная выпечка, кондитерские изделия и, что особенно важно, домашний хлеб. В ходе проведения социологической экспедиции мы неоднократно пытались (ради исследовательского полевого эксперимента) внедриться в эти сетевые сообщества, но это оказывалось весьма затруднительным в силу заведомой и заранее оговоренной распределенности экологически безупречной продукции по постоянным заказчикам. Только однажды из-за случайной невостребованности отсутствующим клиентом козьего молока и сметаны нам повезло приобрести эти чудные продукты. Спрос на них устойчив и велик. Следует отметить такое обстоятельство: наблюдения показали, что почти треть таких потребителей не были соседями или односельчанами, а проживали на удалении — либо в райцентрах, либо в окрестных поселениях. Что же касается вопроса

о производстве подобного рода продукции у фермеров и в крупных сельхозпредприятиях, то такое производство невыгодно из-за непомерных затрат на качественную сельскохозяйственную химию. Кроме того, существует картельный сговор посредников, занижающих класс зерна с целью сбить цену. Как неоднократно подчеркивали местные крупные землевладельцы — «выше тройки (примечание: речь идет о цифре, отражающей индикацию зерна по уровню клейковины и других качественных параметров. Всего существует пять классов) наше зерно никогда не оценивается. Это для нас тягостно, а перекупщики всегда в выгоде».

Вопрос № 5: *От кого, по-Вашему мнению, должны исходить инициативы по улучшению экологической среды в Вашем поселении, районе (от инициативных групп жителей, от администрации, от фермеров, от руководителей сельхозпредприятий)?*

Комментарий. В отличие от предыдущего, данный вопрос систематически приводил регулярную опросную процедуру, обычно многословную и оживленную, к продолжительным мизансценам молчания. Информанты очень неохотно беседовали на эту тему. Будто сговорившись, они ссылались на то, что «в этой жизни, при этой власти от нас, от маленького человека ничего не зависит». Разумеется, эти стандартные высказывания, характерные для многих исследуемых регионов сельской России, достаточно прозрачно отражают господствующие настроения жителей. Для того чтобы информационный поток по данному вопросу систематически не иссякал, мы пытались переключить внимание с поведения местной администрации на экологически-охранительные инициативы и действия, которые можно наблюдать в практиках местных крупных землевладельцев (фермеров, директоров ООО и пр.). И в этой ситуации информанты достаточно подробно рассказывали о том, как и в какой мере руководители бригад следят за теми кондициями производственной обстановки, которые принято именовать с помощью фразеологемы «чистота и порядок». Конечно, по существу, эта забота о прибранности и аккуратности территории, строений, дорожек, цветников, клумб, кустарниковых изгородей — это лишь часть сколько-нибудь развернутых и продуманных экологических программ, однако уже такая целевая направленность нынешнего агропроизводственного руководства в оценках респондентов симптоматична и красноречива. Интересно, что в корпусе подобного рода ответов и мнений довольно часто упоминается о тех кондициях «чистоты и порядка», которые были приняты в советских колхозах. При этом оценки этих прошлых опытов экологических забот формулируются почти исключительно в суперлативных формулировках («великолепно», «здóрово», «исключительно» и т.п.). Что же касается рассказов о собственных, личных инициативах по улучшению экологической обстановки, то здесь обнаруживается система «двойных стандартов», некой не лишенной лукавства морали. Дело в том, что в относительно полнокровных деревенских сообществах, пока еще

не отмеченных признаками очевидной деградации, когда начинает распространяться бесчувственное равнодушие к собственной жизни (не говоря уже о деревне в целом), — в жизнеспособных поселениях традиционно циркулирует настроение, которое можно обозначить формулой «быть не хуже других». «Другие» в деревне — это и родственники, и ближайшие соседи, и, по существу, все население деревни. «Быть не хуже других» — это когда забор исправен, когда дом выкрашен, окна вымыты, трава перед домом аккуратно подстрижена или ровно выкошена, огород не запущен, деревья выбелены и т. д. Подобного рода настроение особенно выразительно демонстрируется в весеннюю пору, когда зацветают фруктовые деревья и распускаются цветники. И эта картина, когда, по существу, происходит необъявленное соревнование придомовых газонов и цветников, дает богатый материал для задействования методик визуальной социологии. Сопоставляя общий облик деревенской усадьбы, степень ее ухоженности и прибранности с уровнем изобретательности флористического дизайна, можно судить как о благосостоянии данного домохозяйства, так и о спектре личностных характеристик хозяев — их трудолюбии, открытости и эстетической воспитанности.

Этот вопрос заключает содержание блока № 2 опросника, в центре которого стояла задача оценки влияния социально-экологической ситуации на производственно-экономическую активность сельских домохозяйств.

Завершает текст основного социологического инструмента специальный, стоящий особняком, блок, смысловой доминантой которого выступает попытка переключения повествовательно-аналитической энергии респондента в иную информационную сферу. Иначе говоря, в данном блоке мы постарались отвлечься от конкретики повседневных обстоятельств экологического характера и рассмотреть более широкую панораму общих жизненных кондиций респондента как обитателя именно негородских жизненных пространств. Отметим, что в последнее время проблемы эволюции сельских территорий активно обсуждаются. В марте 2019 года опубликован проект и паспорт Государственной программы Российской Федерации комплексного развития сельских территорий, основными целями которой определены повышение уровня благосостояния и качества жизни сельского населения, сохранение численности сельского населения, в первую очередь — молодежи, обеспечение сбалансированности расселения, то есть равномерного распределения людей по территории страны. Что же касается современных отечественных социологических опытов, то подобного рода исследовательская нацеленность обозначается обычно следующими формулами — «жизненный мир села» в работах группы ученых под руководством Ж.Т. Тощенко (Смыслы, 2016), «сельский мир» в теоретических разработках и феноменологических наблюдениях В. Г. Виноградского (Виноградский, 2017; 2018), «пространство сельской жизни» в исследованиях социальных географов

А.И. Алексеева, Т.Г. Нефедовой и др. (Алексеев, 2015; 2017; Нефедова, 2015 а; 2015 б). Такая аналитическая ориентированность диктуется актуальностью момента: современная российская деревня медленно, но, по всей видимости, бесповоротно перестает быть традиционно крестьянской. Поэтому сегодня весьма важны мультидисциплинарные попытки ученых заглянуть в будущие сельские миры.

Блок 3. Чем может «завлечь» городского человека деревня? Именно Ваша? Или другая, Вам известная?

Правомерность включения в основной исследовательский инструмент данного аналитического блока можно объяснить тем, что современные деревенские жители достаточно осведомлены о специфических измерениях нынешней городской повседневности. Опытом более или менее длительного пребывания в городах (для лечения, торговли продукцией приусадебного хозяйства, временной занятости в различных предприятиях, обучения в вузах и профтехучилищах и т. п.) располагает подавляющее большинство современных сельчан. В результате таких поездок у людей складывается сравнительная картинка различных жизненных пространств. Поэтому целью данного блока оказывается мобилизация тех представлений сельчанин, в которых привлекательные стороны деревенской повседневности оттеняются и становятся более рельефными именно с позиций городских опытов жизни. Данный блок довольно лаконичен, включает три вопроса. По сути дела, они представляют собой не столько регулярные (и в этом смысле стандартные) пункты программы социологического интервью, сколько «партитуры», задающие тональность свободной беседы, в которую абсолютно на равных правах включаются как информант, так и интервьюер. Такого рода исследовательская проекция имеет непосредственное отношение к социологическим техникам «двойной рефлексивности». В теоретическом измерении они были разработаны Теодором Шаниным во время проведения масштабного полевого изучения шестидесятилетнего периода (1930–1990 гг.) эволюции советского колхозного села. Процедурно методология двойной рефлексивности была осуществлена как раз в ходе реализации данного крестьяноведческого проекта в период 1990–1994 гг. (Рефлексивное, 2002).

Вопрос № 1: *Составьте список деревенских «удовольствий». Что окажется для Вас на первом месте?*

Комментарий. Сверхзадача этого вопроса — попытаться воспроизвести те, чаще всего стандартизированные, представления современников о позитивных характеристиках сельского повседневного существования. Парадоксально, но перечень «деревенских удовольствий» генерируется не столько в самой деревне, сколько в городе. Средства массовой информации в достаточно больших объемах содержат штампы об экологических прелестях деревни — свежий воздух, тишина, домашние натуральные продукты. Однако в ходе разговора респонденты имеют обыкновение переходить на очищенные от рекламного глянца картины сельской повседневности. И выясня-

ется, что на первом месте оказываются преимущества, вытекающие из факта общесемейной мобилизованности в труде по поддержанию некой нормы производства, принятой в данном семейном хозяйстве. В отличие от городской, деревенская семья привычно распределяет круг ежедневных хозяйственных забот пропорционально возрастным возможностям ее членов. Никто не в состоянии произвольно увильнуть от домашней работы. Рекламная нарядная старушка из «Домика в деревне», заботливо подающая внучатам глиняную плошку со сметаной и крынку с молоком, по деревенским меркам пародийна — она одна просто не в силах провернуть весь круг работ по уходу за коровой и, дальше, по переработке цельного молока (дойка, сепарирование, выдержка и т.п.). Только семья может реализовать эти многоступенчатые технологические задачи. Именно это оказывается основным источником сельского оптимизма и уверенности в будущем.

Вопрос № 2: *Чем хорош в Ваших глазах город? Что такое есть в городской среде, по чему томится Ваша душа?*

Комментарий. Включение подобного вопроса в пространство разговора продиктовано потребностью выяснить, насколько и в каких проекциях (лечебных, образовательных, производственно-экономических, культурных, организационных и пр.) городская среда способна реализовать существенные нужды жителей деревни. В этом вопросе скрыто присутствует (и в ходе разговора непременно выходит наружу) вопрос о наиболее типичных целях поездок в города (начиная от районного центра и заканчивая зарубежными поездками, которые в последние несколько лет для сельчан уже вовсе не диковина). Пилотаж продемонстрировал сравнительно невысокую информативность данного вопроса. Хотя, по правде сказать, многое в данном случае зависит от индивидуальных культурно-психологических свойств респондента. Чем больше у него опытов пребывания в городской среде, тем полнее и разнообразней аргументация, касающаяся сущности данной информационной сферы.

Вопрос № 3: *В какой деревне Вы хотели бы доживать свой человеческий век — в той, какая была здесь раньше или нынешней? Составьте словесный портрет Вашей деревни через поколение? Что в ней останется из нынешней жизни, а что прибавится?*

Комментарий. Очевидно, что этот вопросный блок предназначен для общего подытоживания состоявшегося разговора, а также для организации некоего, если так можно выразиться, прогностического компонента беседы. Но основополагающей в данном случае выступает исследовательская попытка спровоцировать более или менее масштабный, в сущности, поколенческий, в идеале трансисторический взгляд респондента по поводу судеб деревни. Пилотаж продемонстрировал, что ответы на этот вопрос выглядят как достаточно развернутые повествования, стержнем которых оказывается в конечном счете схема «что было и что стало». Это «было» и «стало» развернуты в сторону двух событийных сгущений — материально-вещественной среды сельского поселения и картины повседневных чело-

веческих контактов (соседских, бытовых, культурно-нравственных и т. п.). Взятые в их взаимодополнительности, эти феноменологические образования способны породить особое социальное настроение, ту жизненную тональность, ту мелодию бытия, которая является интегральным свидетельством данного сельского мира.

Подведем краткие итоги рассмотрения и обоснования необходимости применения в исследовании инструмента «Опрос экспертного сообщества». Представляется, что примененный в ходе полевого экспедиционного исследования он дает возможность выявить, информационно зафиксировать и аналитически проследить ход развития разнообразных экологических практик, свойственных современным сельским жителям, оценить содержание соответствующих инноваций, а также размах семейных и коллективных, предпринимаемых уже на уровне поселения, инициатив, касающихся оптимизации экологической ситуации.

В дополнение к заранее утвержденному и прошедшему необходимый в методических целях пилотаж, в ходе полевого исследования появилась возможность систематизации информации уже не в строгих рамках экспертного опросника, а отдельного информационно-аналитического кейса, в котором накапливалась информация об общей экологической истории данного сельского поселения. В данном случае отдельный конкретный информант высказывался, что называется, «за всю деревню». В результате появился блок, где освещались вопросы, касающиеся, например, степени рациональности использования окружающей экологической среды, обсуждались проблемы взаимосвязанности доступных населению природных ресурсов с повседневной деятельностью человека. В ходе опроса интервьюеры особое внимание уделяли изучению следующих ресурсов: земля (посевы, выпасы, селитебная зона, неиспользуемые земли); вода; лес другие важные элементы экологического состояния (оползни, провалы, овраги, радиация и т.п.). Сюда же попадала информация, освещающая программы и планы воссоздания природных ресурсов: насаждение лесов, очистка водоемов, рек и ручьев и т. д.

Такова «проверенная на местности» и в целом результативная методолого-методическая оснащенность экспедиционно-полевых исследовательских процедур, предшествующих углубленному аналитическому рассмотрению экологической проблематики сельских миров.

Библиография

Алексеев А.И., Корюхин Д.А. (2017). «Инверсия» сельской урбанизации? // Вест. Моск. ун-та. Сер. 5. География. № 5. С. 103–105.

Алексеев А.И., Сафронов С.Г. (2015). Изменение сельского расселения в России в конце XX — начале XXI века // Вестник Московского ун-та. Сер. 5. География. № 2. С. 66–76.

Бибихин В.В. (2007). Мир. СПб.: Наука.

Виноградский В.Г. (2017). «Голоса снизу»: дискурсы сельской повседневности / В. Виноградский. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.

Виноградский В.Г. (2018). Сельский мир как познавательная проекция // Новый мир. М. С. 167–175.

Нефедова Т.Г. (2015а). Российские дачи в разном масштабе пространства и времени // Демоскоп-Weekly. № 657–658.

Нефедова Т.Г., Покровский Н.Е., Трейвиш А.И. (2015б). Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности населения // Социологические исследования. № 12. С. 60–69.

Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России (2002) / Под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М.: МВСШЭН, РОССПЭН.

Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) (2016) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга.

Ecology of the rural world as an object of sociological research

Valery G. Vinogradsky, DSc (Philosophy), Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, Prosp. Vernadskogo, 82. E-mail: vgrape47@yandex.ru.

Olga Ya. Vinogradskaya, Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, Prosp. Vernadskogo, 82. E-mail: vgrape58@yandex.ru.

Ekaterina S. Nikulina, Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 119571, Moscow, Prosp. Vernadskogo, 82. E-mail: nikulina@ranepa.ru.

The article considers rural environmental issues as an object of sociological research and emphasizes the need to conduct surveys of expert communities. Such an approach allows to identify, follow and analyze the development of various environmental practices typical for rural residents, and to evaluate innovations and initiatives at both households and settlement level. The authors insist on the need to use the previously tested expert questionnaire and to rely on the cases that meet the specific requirements of the study. For instance, in the considered case, the authors faced methodological difficulties when discussed rationality of the environment use and interdependence of available natural resources and everyday human activities. Thus, the article presents a 'field-tested' methodology of sociological research focusing on the in-depth analysis of environmental issues in rural worlds.

Keywords: ecology, rural world, sociological research, qualitative methodology, informal social-ecological practices, rural households, rural residents, natural environment

References

Alekseev A.I., Koryukhin D.A. (2017) "Inversiya" selskoj urbanizatsii? ['Inversion' of the rural urbanization?]. *Vestnik Moskovskogo universiteta, Serija 5: Geografiya*, no 5, pp. 103–105.

Alekseev A. I., Safronov S.G. (2015) Izmenenie selskogo rasseleniya v Rossii v kontse XX — nachale XXI veka [Changes in the rural settlement in the late 20th — early 21st century]. *Vestnik Moskovskogo universiteta, Serija 5: Geografiya*, no 2, pp. 66–76.

Bibikhin V.V. (2007) *Mir* [World], Saint-Petersburg: Nauka.

Vinogradsky V.G. (2017) *"Golosa snizu": diskursy selskoj povsednevnosti* ['Voices From Below': Discourses of Rural Everyday Life], Moscow: Izdatelsky dom "Delo" RANKhiGS.

Vinogradsky V. G. (2018) Selsky mir kak poznavatelnaya proektsiya [Rural world as a cognitive projection]. *Novy mir*, no , pp. 167–175.

Nefedova T.G. (2015a) Rossijskie dachi v raznom masshtabe prostranstva i vremeni [Russian *dachas* in different spatial-temporal perspectives]. *Demoskop-Weekly*, no 657–658.

Nefedova T.G., Pokrovsky N.E., Treivish A.I. (2015 b) Urbanizatsiya, dezurbanizatsiya i selsko-gorodskie soobshchestva v usloviyah rosta gorizontalnoj mobilnosti naseleniya [Urbanization, deurbanization and rural-urban communities under the growth of horizontal mobility]. *Sociologicheskie issledovaniya*, no 12, pp. 60–69.

Refleksivnoe krestyanovedenie: Desyatiletie issledovanij selskoj Rossii [Reflective Peasant Studies: A Decade of Research in Rural Russia] (2002). Pod red. T. Shanina, A. Nikulina, V. Danilova, Moscow: MVSShEN, ROSSPEN.

Smysly selskoj zhizni (Opyt sociologicheskogo analiza) [Meanings of Rural Life (A Sociological Analysis)] (2016). Pod red. Zh.T. Toshchenko, Moscow: Tsentr socialnogo prognozirovaniya i marketinga.